

Религиоведение. 2021. № 2. С. 104–109.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2021. No. 2. P. 104–109.

DOI: 10.22250/2072-8662.2021.2.104-109

Баранова Е.В.

*Туринский государственный университет
10124, Италия, Турин, ул. Верди, 8
ekaterina.baranova@unito.it*

Католический взгляд на проблему соединения церквей в публицистике В.В. Розанова

Аннотация. В настоящей статье прослеживается «экуменический» период творчества В.В. Розанова (1856–1919), пришедший на конец 1890-х – начало 1900-х гг., с изложением взглядов философа на католицизм и униональную проблему. Эти темы, практически незатронутые в российском розановедении, были разработаны в католических исследованиях в стенах Папского Восточно-

го института в Риме. В научный оборот вводятся ранее неизвестные отечественному розановедению тексты. В них обнаруживается стремление представить Розанова апологетом католицизма. Аксиологическим ориентиром статьи становится схватывание смыслов полемического письма розановской публицистики, что в противном случае приводит к смещению акцентов в сторону желательных для католической стороны выводов. Методологическим ориентиром остаётся соотнесение характера развития розановской мысли с внешним пересмотром им унионального вопроса и отнесение его результатов к разрабатываемому мыслителем «новому теизму». Упущением католической стороны представляется игнорирование историсофской константы розановской мысли, в свете которой отсутствие решения униональной проблемы в рамках нынешней культурной парадигмы становится залогом иного понимания Вселенской церкви.

Ключевые слова: розановедение, разделение церквей, восточный обряд, экуменизм, Папский Восточный институт

Ekaterina V. Baranova

*University of Turin,
8 Via Verdi, Turin, 10124, Italy,
ekaterina.baranova@unito.it*

Catholic View of the Problem of Church Union in V.V. Rozanov's Journalism

Abstract. The article retraces the “ecumenical” period of V.V. Rozanov (1856–1919), which came at the time of the late 1890s – early 1900s, outlining the philosopher’s views on Catholicism and the unionist problem. These themes, practically untouched in Russian science, were elaborated in the Catholic works within the walls of the Pontific Oriental Institute in Rome. The author introduces the texts, previously unknown to the national specialists on Rozanov. They manifest the intent to present Rozanov as an apologist of Catholicism. The grasp of meanings of the polemical writing of Rozanov’s journalism becomes an axiological guideline of the article, which otherwise leads to a shift of the accents towards the conclusions desirable for the Catholic side. The methodological guideline remains the correlation of the nature of the involvement of the study of Rozanov’s heritage with the external revision of the unionist question and the attribution of its results to the “new theism” elaborated by the thinker. The author finds the omission of the Catholic side in ignoring the historiosofical constant of Rozanovian thought, in the light of which, the absence of a solution to the unionist problem in the frame of the current cultural paradigm becomes a surety of a different comprehension of the Universal Church.

Key words: Rozanovian Studies, Great Schism, Eastern rite, ecumenism, Pontifical Oriental Institute

Предпосылкой решения В.В. Розановым вопроса соединения церковью стало унаследованное европейскими исследователями русской религиозной философии мнение, сформулированное в 1935 году писательницей-католичкой *Юлией Николаевной Данзас* (1879–1942), указавшей на этого сочувствующего папству представителя «нового религиозного сознания» начала XX века, – православного, стоящего на религиозном распутье [Danzas, 1935]. «Лирическую» характеристику на Западе восприняли некритически. И вплоть до времени появления большой итальянской монографии 1958 года «Базилио Розанов и его религиозная концепция» [Leskovec, 1958] Василий Василевич Розанов в восприятии католической среды носил маркер «филокаатолика». «...Мы изучаем его, пытаемся сделать доктринальные и практические выводы из его многочисленных сочинений, из его порой блестящих наблюдений, из самых его ошибок. <...> католическая религиозная мысль может извлечь из этого пользу» [Tyszkiewicz, 1952, 1074], – пишет бывший российский подданный, педагог и многолетний духовник Руссикума, профессор Папского Восточного института (далее: PIO) иезуит *Станислав Тышкевич* (Stanislas Tyszkiewicz S.J. 1887–1962).

Впервые униональная проблема стала предметом размышлений Розанова во время полемики с В.С. Соловьёвым и Л.А. Тихомировым в 1893–94-х годах (спор «о свободе и вере»). Тогда в основе неприятия Розановым соловьёвских аргументов соединения церковью лежала, по определению историка богословия в PIO *Паоло Лесковца* (Paolo Leskovec S.J. 1920–2017), «расовая концепция», оформленная в «Легенде о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского» (1891) [Leskovec, 1958, 151]. Национальная религия формируется у Розанова из «духа народа», пропускающего, как через фильтр, универсальное христианское учение и имеющего своим ядром противоположные принципы и устремления: к универсальному (у римских народов), к индивидуальному (у германских) или обнаруживая своей доминантой молитвенный дух (как основу нуминозного в русской церкви), совмещающий первые две противоположности. В силу этого, разделение церковью было изначально предопределено национальными особенностями; а парциальность каждой церкви позволяет говорить лишь о степени её приближённости к евангельскому духу Вселенской церкви.

После посещения Розановым Италии в 1901 году, его позиция по вопросу церковного соединения в католическом восприятии претерпела изменения. В этом смысле показательно письмо, полученное Розановым из Восточной Фракии в 1902 году, вновь поднимающее униональную проблему [Розанов, 1995, 225]. Тышкевич идентифицирует его адресата как униата *Поля Кристофа Порталье* (Paul Christophe Portalier A.A., 1864–1934) из ассумпционистов [Tyszkiewicz, 1952, 1072]. Эта конгрегация в то время активно продвигала католичество в Южной Европе, и интерес Порталье, таким образом, отражал курс папской политики на Востоке при Льве XIII.

Порталье обращается к Розанову как к человеку, смотрящему поверх церковных барьеров. Такое отношение Розанов заслужил в силу своей позиции по «иерархическому моменту» в церкви (признания первенства римского епископа с опорой на историко-филологический метод библейской экзегезы); а также доброжелательным вниманием к личности папы и своим сочувствием к католической церкви, страдающей от гонений на свои конгрегации во Франции [Розанов, 1995, 65–70; 156–170; 373–374; 409]. Это те характеристики, от которых в дальнейшем отталкиваются в своих работах его католические исследователи¹. Так, Данзас отмечает несомненную розановскую «тягу к католицизму» [Danzas, 1935, 489]; а Тышкевич указывает уровень, на котором в «Итальянских впечатлениях» (1901–1903) происходит для Розанова душевное проникновение в католическую культуру: «Благочестие простых людей, их горячие молитвы перед бедными статуэтками Мадонны, радостное оживление семинаристов – всё это впечатляет Розанова гораздо больше, чем великолепие религиозных церемоний в Риме» [Tyszkiewicz, 1952, 1071–1072].

Признавая роль Италии, раскрывшей «двери <его> религиозного созерцания», Розанов, однако, не видит возможности для «видоизменений» церковью в сфере межконфессиональных реалий. В своих доводах «против» он изначально отталкивается от внешнеполитического фактора, экстраполируемого Тышкевичем уже на большевистское правительство [Tyszkiewicz, 1952, 1072], а также основывается на невестребованности принципа юридикзма, к которому, по определению Розанова,

удивительно не восприимчив русский народ: «в нём нет и не может быть большой жажды собственно к внешнему авторитету, к иерархической огромной санкции, к папству» [Розанов, 1995, 227]. По этой причине, замечает Тышкевич, нужно представлять папство в глазах православных не как примат порядка за счёт чётко установленной иерархической структуры, но как возможность «консолидации внутренней и сверхъестественной жизни» [Tyszkiewicz, 1952, 1073]. Последней послужит создание униональной эkkлесиологии с использованием агиографических категорий [Tyszkiewicz, 1951], что перекликается с розановским предложением искать примирение «на почве старых чувств», через приобщение к общим святыням, почитаемым до разделения [Розанов, 1995, 228].

«Принцип юридикзма» у русского народа замещается творческим религиозным потенциалом, получающим у Розанова воплощение в картине «поворота рек», как мистерии церковного союза по промыслу божьему (в значении наступления исторического момента). И тогда приходится повторять вслед за Лесковцом, что в розановском инварианте соединения именно процессы народной ментальности, а не институт церкви или волеизъявления папы предписывают духовное жизнеустройство: «главное – это расовая, или национальная психология» [Leskovec, 1958, 166; 144].

Представляется, однако, что за картиной народных движений стоит розановское предчувствие глобальных миграционных процессов, снимающих догматические, литургические и иного плана различия. Эта возможность изменений в межконфессиональной сфере в силу эсхатологических потрясений на заре глобального мира противоречит, по словам Лесковца, ходу самой истории, когда «известно, что <...> и в отделении русской церкви определяющую, решающую роль всегда играли те, кто держал в своих руках церковную и гражданскую власть» [Leskovec, 1958, 145]. Однако позиция, предполагающая «реставрационные» методы и централизованный характер церковного соединения, была отвергнута Розановым не единожды, в том числе в контексте переосмысления полемики с Соловьёвым, «ожидавшим этого соединения от рассорившихся иерархий, сверху, аристократически» [Розанов, 1996, 443].

Розановская отсылка к провидению, открывающему новую религиозную эру, встречает недоумение Лесковца: «Да неужели мы должны полагаться на события, апокалиптические по своим масштабам?» [Leskovec, 1958, 145]. Чтобы приблизиться к розановскому пониманию перспективы восстановления целостности церкви, нужно обратиться к его историософской мысли, представленной уже в ранних работах («О понимании» (1886), «Место христианства в истории» (1890), «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского» (1891)). Порождённая идеей о скрытой целесообразности человеческих действий и постулирующая при этом относительность и условность человеческого мышления, она сложилась в известную формулу: «То, что <человек> потерял в мироздании, он находит в своей истории» [Розанов, 2008, 26]. Форсирование инструментом рациональных построек течения церковной жизни может завести ещё в большее отклонение от намечившегося состояния «примирения» в разноконфессиональной пастве. «Соединение» же предполагает обретение церковью нового качества: из исторически пока не сложившихся слагаемых другой культурной парадигмы.

В этих условиях Розанов предлагает экуменическое допущение: введение общего отправления таинств в церквях христианских конфессий. Очевидно, что инициатива Розанова навеяна его посещениями католических храмов в Италии и, как он отмечает, настроениями некоторых православных священников. О прецеденте религиозного «синкретизма» Вл. Соловьёва – получении православного и католического причащения – Розанов, очевидно, в ту пору ещё не знал, хотя имел «теоретические догадки», если судить по статье 1911 года «Религиозный “эklektизм” и “синкретизм” (Из воспоминаний о Влад. Соловьёве)», представляющей в развёрнутом виде тезисы, высказанные в ответе Порталю. Однако предложение Розанова предполагает больше, чем допускает формализм исторической формы интеркоммуниона или программа международного экуменического движения, появившегося два десятилетия спустя, а именно: внутреннюю связь с обеих сторон поверх вероисповедальных различий: «Мы будем молиться в их храмах, и они будут молиться в наших храмах –

вот что нужно! Мы станем почитать их священников за своих священников, и они будут почитать наших священников за своих священников...» [Розанов, 1995, 230].

Розановская позиция «полного уравниения и примирения между собою церковей через выдвигание высшего христианского принципа: любви» [Розанов, 2011, 155] выглядит, как и в случае их «народного» соединения, проблемно для католических исследователей. По Лесковцу, это тот «момент эволюции его религиозной мысли, когда Розанов уже не обращает внимания на различия между конфессиями» [Leskovec, 1958, 144]; а при личной встрече с католической церковью распространяет на неё проблемы православной [Ibid.]: в частности, говоря о бессилии римской курии в принятии вызовов времени («рабочего вопроса», а также вечных вопросов нищеты, голода, невежества и «семейного вопроса»).

Ректор РЮ и Руссикума (с 1976 года) *Джино Кирилл Пиовезана* (Gino Kirill Piovesana S.J. 1917–1996) в «Истории русской философской мысли: 988–1988» (1992) проводит своего рода ревизию предшествующих работ по Розанову в стенах РЮ. В результате, он вынужден ограничить узловую роль посещения Розановым Италии оформлением его «нового теизма», что оспаривает тезис о прокатолической парадигме последовавших розановских работ. «Во время поездки в Италию <Розанов> вносил неисторическое личное видение религии, далёкое от традиционной концепции христианства, которой ставил в вину характер слишком аскетический и бесполой, резко контрастирующий с религией жизни и плодоношения, проповедуемой Богом-отцом Ветхого Завета» [Piovesana, 1992, 236].

Такая переоценка должна была бы объяснить отсутствие «практических выводов» в розановском решении соединения церковей – то, что профессор сравнительного богословия в РЮ *Бернардо Шульце* (Bernardo Schultze S.J. 1902–1990) в книге «Русские мыслители перед Христом» (1947, 1949) списывал на «нерешительность» Розанова [Schultze, 1949, 39–40]. Как безапелляционно заключает Лесковец, Розанов подошёл к католицизму «утилитарно». То, что импонировало ему в католицизме: культ роженицы (возрожденческие мадонны), нудизм католического искусства, введение животных во храм (стрижка ягнят для епископальных лент), – он принял за органичную часть разрабатываемой им метафизики пола. «Поэтому Розанов стремился к католицизму не за объективной догматической истиной, а за “католическим оправданием” своего религиозного натурализма» [Leskovec, 1958, 136], а разобравшись – поспешил отдалиться.

Итак, католические исследователи Розанова стремились применить на практике – при решении униональной проблемы – прокатолический потенциал его рассуждений: признание примата авторитета римского папы в Единой церкви и решающей роли папства в церковной истории. При этом ими не учитывалась полемическая нагрузка этих высказываний у Розанова, каждый раз по-разному переосмысливавшего антикатолический вектор критикуемых положений, касались ли они славнофильских концепций или интерпретации авторитета и свободы в католицизме у Достоевского и т.д.

Можно резюмировать, что полнота общения между римско-католической и православной церквями объявляется Розановым не достижимой в рамках нынешней культурной (христианской) парадигмы. Непреодолимые тому препятствия коренятся в ментальности народов, во многом зависящей от различий, закреплённых на уровне бытийственного проживания. С «народным духом» соотносятся вопросы литургики, догматики – весь объём национальных религиозных отправлений. Дело соединения церковей связывается Розановым с пока необозримым в будущем вмешательством промысла божьего, понимаемым как наступление исторических сроков, производящих или отражающих тектонические сдвиги на глобальном духовном уровне. В отстранении церковных иерархов от решения вопроса церковного соединения реализуется понимание церкви как «народа Божьего», – который выбирает свои пути в истории, – и что противостоит католическому пониманию формата соединения под углом зрения на церковь как на «стадо Божье» во главе с римским пастырем.

Отрицанию папского централизма в вопросе соединения сопутствует отвержение любых «видоизменений» и нововведений на этапе церковного примирения. Временным решением представляется обращение к историческим прецедентам ин-

теркоммуниона, позволяющего не только формально соединиться в таинстве евхаристии, но и реализовать принцип любви в почитании священнослужителей другой конфессии. С русской стороны такой гарантией выступают настроения, уже витающие в православном церковном обществе, а для слоя интеллигенции Розанов выдвигает пример евхаристического опыта Вл. Соловьёва.

Несмотря на неминуемое разочарование в таких розановских решениях, католические исследователи не могут отрицать его стремления к непредвзятости отношения к католицизму, желания представить богатство его проявлений и сильную эмоциональную компоненту восприятия чужой культуры. Посредством обращения к этой оптике горизонт розановской мысли расчищался от обычных для русского менталитета антикатолических предрассудков. В итоге, как отмечается, католицизм стал той ступенью, преодолев которую Розанов смог установить свой собственный «алтарь» для «свободных христиан».

Список сокращений

РЮ – Папский Восточный институт

Библиографический список

1. Розанов, В.В. Место христианства в истории / В.В. Розанов. Религия и культура. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. – С. 9–27.
2. Розанов, В.В. Размолвка Достоевского с Соловьёвым / В.В. Розанов. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. – М.: Республика, 1996. – С. 439–445.
3. Розанов, В.В. Религиозный «эkleктизм» и «синкретизм» (Из воспоминаний о Влад. Соловьёве) / В.В. Розанов. Террор против русского национализма. – М.: Республика, 2011. – С. 150–160.
4. Розанов, В.В. Около церковных стен / В.В. Розанов. – М.: Республика, 1995. – 558 с.
5. Danzas, J. Un penseur russe: Vassily Rozanov / J. Danzas // *La Vie Intellectuelle*, Juvisy. – 09/09/1935. – С. 472–494.
6. Leskovec, P. Basilio Rozanov e la sua concezione religiosa / P. Leskovec. – Roma: Pontificum Institutum Orientalium Studiorum, 1958. – XI, 238 p.
7. Piovesana, G. Storia del pensiero filosofico russo (1880–1988) / G. Piovesana. – Cinisello Balsamo: Paoline, 1992. – 415 p.
8. Schulze, B. Pensatori russi di fronte a Cristo. Saggi sul loro atteggiamento verso Cristo, la Chiesa e il Papa. T. II-III / B. Schulze. – Firenze: Mazza, 1949. – 282 p.
9. Tyszkiewicz, S. Moralistes de Russie / S. Tyszkiewicz. – Rome: Tipografia Pio X, 1951. – 202 p.
10. Tyszkiewicz, S. Réflexions du penseur russe V. Rozanov sur le catholicisme / S. Tyszkiewicz // *Nouvelle Revue théologique*, Tournai. – 1952. – Vol. 74. – №. 10. – P. 1062–1074.

Текст поступил в редакцию 15.11.2020.

Принят к публикации 22.03.2021.

Опубликован 29.06.2021.

¹ Католические исследователи обращаются к текстам следующих прокатолических сочинений Розанова: «Небесное и земное» (1901), «Из-за чего сыр-бор загорелся?» (1901), «Папская “непогрешимость” как орудие реформации без революции» (1902), «Лев XIII и католичество» (1903), «Русско-католические отношения» (1902–1905), «Памяти А.С. Хомякова» (1904), «Итальянские впечатления» (1901–1905), «Послесловие к комментарию “Легенды о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского”» (1906) и т.д.

References

1. Rozanov V.V. *Religija i kul'tura* [Religion and culture]. Moscow: Respublica, St. Petersburg: Rostok, 2008, pp. 9–27 (in Russian).
2. Rozanov V.V. *Legenda o Velikom inkvizitore F.M. Dostoevskogo* [Legend of the Grand Inquisitor]. Moscow: Respublica, 1996, pp. 439–445 (in Russian).
3. Rozanov V.V. *Terror protiv Russkogo natsionalizma* [Terror against Russian nationalism]. Moscow: Respublica, 2011, pp. 150–160 (in Russian).
4. Rozanov V.V. *Okolo cerkovnyh sten* [Near church walls]. Moscow: Respublica, 1995, 558 p. (in Russian).

5. Danzas J. *The Intellectual Life* [La Vie Intellectuelle]. 09/09/1935, pp. 472–494 (in French).
6. Leskovec P. *Basilio Rozanov and his religious conception* [Basilio Rozanov e la sua concezione religiosa]. Roma: PIO, 1958, XI, 238 p. (in Italian).
7. Piovesana G. *History of Russian philosophical thought (988-1988)* [Storia del pensiero filosofico russo (988–1988)]. Cinisello Balsamo: Paoline, 1992, 415 p. (in Italian).
8. Schulze B. *Russian thinkers towards Christ, the Church and the Pope* [Pensatori russi di fronte a Cristo. Saggi sul loro atteggiamento verso Cristo, la Chiesa e il Papa]. Firenze: Mazza, 1949, T. II–III, 282 p. (in Italian).
9. Tyszkiewicz S. *Moralists of Russia* [Moralistes de Russie]. Rome: Tipografia Pio X, 1951, 202 p. (in French).
10. Tyszkiewicz S. *New Theology Review* [Nouvelle Revue théologique]. 1952, vol. 74, no. 10, pp. 1062–1074 (in French).

Submitted for publication: November 15, 2020.

Accepted for publication: March 22, 2021.

Published: June 29, 2021.